

Пока часы двенадцать бьют

Как с появлением детей возвращаются старые домашние обычаи

Ната Аксель |

СЕМЕЙНОГО Нового года у нас давно не получается. Живем мы порознь и празднуем каждый сам по себе: отец — в Берлине, мама — в Москве, я — везде понемногу.

Я никогда не уделяла этой ночи особого внимания: встречала Новый год дома и на работе, с родными и в компании незнакомых людей, в теплом пуховике и в легком платье. Могла заснуть в старом году, а проснуться — в новом, пропустив все веселье и нисколько об этом не пожалев.

С появлением ребенка мой Новый год изменился: теперь у нас есть и елка, и мандарины, и снежинки на окнах, и красиво упакованные подарки. Даже не знаю, чего мне хочется больше — устроить праздник для маленького Вани или вспомнить детство, когда Новый год был волшебным и долгожданным. Пожалуй, и того, и другого.

Елка, Царь-пушка и Голова

В детстве у меня была пластмассовая елка, сейчас таких не делают.

Елка была тощая, с треугольными неуклюжими лапами и короткими иголками. Бабушка тщательно опоясывала ее гирляндой, потом мы клали на ветки куски ваты — это был снег, вешали игрушки и «дождик». Получалось очень красиво.

Бабушка водила меня на новогодние представления, пару раз даже в Кремль.

Помню это смутно — длинный мост, нарядные сменные туфли, огромное фойе с балконом... и непреодолимое желание залезть на Царь-пушку.

Еще помню подарок — алую коробку в форме Спасской башни, не вызвавшую восторга: все детство мне нельзя было соли и жирного, и я надеялась, что под конфетами сыщется маринованный огурец или хотя бы соленое печенье. Но ни огурца, ни печенья в Кремле почему-то не давали.

Я ПОНИМАЮ, ЧТО ЕЛКИ —
это лакомство для слонов и скоро
их с улиц с благодарностью заберет
зоопарк, но пока они валяются,
разобранные и бесприютные,
мне тоскливо

У папиных родителей елка была живая — в эркере сталинского дома она смотрелась особенно торжественно. В зеленых ветвях пряталась Голова из «Руслана и Людмилы» — та, что охраняла волшебный меч. Я боялась Головы.

Много лет спустя, когда бабушки с дедушкой не стало и квартиру освобождали перед продажей, я наткнулась на коробку елочных игрушек. Голова была на месте — пучеглазая, бородастая, нелепая в своем вы-

цветшем шлеме. Теперь она живет у меня, но с условием: Ваню не пугать!

Европейское и нет

Друзья дразнят мою елку «музеем елочных украшений на выезде». Но это сейчас, а еще не так давно все старое и традиционное в очередной раз отрицалось и сменялось новым и «прогрессивным».

Я помню, как мы с бойфрендом при- тащили с рождественской ярмарки в

«Стокманне» огромную сумку игрушек в европейском стиле — серебряные и синие шары, банты, колокольчики — и елка будто телепортировалась в московскую квартиру с маленькой миланской площади. Мы были очень довольны.

Европейское Рождество я впервые увидела подростком. Отсутствие снега, фантастические витрины, фейерверки на улицах — все это произвело на меня большое впечатление.

Город, который я так и запомнила — красивой открыткой, в тот год праздновал свое последнее Рождество: 9 ноября 1989-го рухнула Стена, и Западный Берлин исчез с политической карты. Получилось, что, смешавшись с запахом уличных ярмарок, сквозь меня тихонько прошла история.

Я и сейчас люблю Берлин, но на Новый год — меньше всего. Я понимаю, что елки — это лакомство для слонов и скоро их с улиц с благодарностью заберет зоопарк, но пока они валяются, разобранные и бесприютные, мне тоскливо. Я ловлю себя на мысли, что елку надо выбрасывать в мае, а если она пустила корни, то и вовсе не выбрасывать — на даче посадить.

